

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*К.О. КАЛИНИН***Русский национализм
(Сравнительный анализ 1995 и 2003 годов)***

Развитие и становление феномена современного русского национализма тесно связаны с распадом советской империи, появлением новой России и последующим национальным государственным строительством. Новые исторические возможности для конституирования русской нации, не существовавшие в эпоху и российской, и советской империи, заложили основу для роста национального самосознания русских, развития и становления современного русского национализма.

Принимая во внимание характер социально-демографической структуры населения страны, доля русских в которой составляет около 80%, можно утверждать, что проблема национализма русского большинства – ключевая для устойчивого развития российского государства в целом и нынешнего политического режима в частности. Неудивительно, что в использовании потенциала нарождающегося русского национализма сегодня заинтересованы многие политические силы, рассматривающие его в качестве своего стратегического электорального ресурса.

Данное исследование призвано выявить характер развития русского национализма, обусловивший изменение ситуации в 2003 г. по сравнению с 1995 г. Интерес к проведению подобного рода сравнительного анализа вызван различиями в реализации государственной политики в период президентства Б. Ельцина и В. Путина. При первом президенте социально-политический контекст характеризовался общей слабостью власти, серьезными экономическими и социальными потрясениями 1990-х гг., усилившими фрустрацию в обществе и одновременно ослабившими имперскую идентичность русских за счет роста этнической идентичности. Политический режим второго президента, напротив, отличается сосредоточение основных политических и экономических ресурсов в федеральном центре, укрепление общей социально-экономической стабильности в стране и, соответственно, рост удовлетворенности русских своей имперской идентичностью за счет этнической. Это основное предположение, которое мне хотелось бы проверить с помощью кросс-темпорального исследования.

Русский национализм: специфика и структура

В своем понимании русского национализма я исхожу из веберианской его интерпретации, трактующей национализм как политическое требование, источником которого

* Благодарю Центр по российским исследованиям Норвежского института международных отношений (NUPI) за предоставленную возможность работы над данным проектом.

К а л и н и н Кирилл Олегович – аспирант факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

служат чувства престижа и культурной солидарности, разделяемые членами "нации" [Vučajić, 1996, p. 770]. Условно можно выделить два типа рассматриваемого явления: *этнокультурный национализм* и *имперский колониализм*. Если первый выводит все нерусские этносы за рамки социально-политической системы государства, то второй оставляет их в ней, однако навязывая народам некую иерархию в соответствии с их приближенностью к культуре государствообразующей нации – русским [Armstrong, 1992].

На персональном уровне национализм описывается понятием "идентичность", которую вслед за Д. Лэйтином можно определить как ярлык, приписываемый себе индивидом (или приписываемый ему его социальным окружением) для получения членства в социальной группе [Laitin, 1998, p. 16]. Для России характерны два типа идентичности: *этнокультурная*, закреплённая в понятии "русский", и *гражданская*, выраженная в понятии "россиянин" [Brubaker, 1997, p. 142–143]. Последняя, в отличие от первой, характеризуется этнокультурной нейтральностью, объединяя индивидов на основе их общей принадлежности к государству.

В несколько ином, "государственническом", ракурсе данную дихотомию рассматривает Р. Шпорлюк, выделяющий "спасителей империи" и "строителей нации". "Спасители" рассматривают российскую и советскую империю в качестве "легитимного национального пространства русской нации", используя в отношении соседей терминологию патрон-клиентских отношений, согласно которым "быть русским означает заключение в себе и персонификацию общего и универсального, тогда как иные этносы представляют собой специфическое и особенное, иными словами, нечто местное, подчиненное и неважное". "Строители" же, ограничивающие пространство государства исконно русскими территориями, не стремятся возродить империю, а наоборот, заинтересованы в выстраивании на ее месте русского национального государства [Szporluk, 1992, p. 512–519]. В рамках данного подхода важно разграничить понятия "гражданской" и "имперской идентичности", которая иногда считается предшественницей первой и предполагает, как отмечалось выше, построение этносоциальной иерархии "русские–остальные этносы". Напротив, концепт гражданской идентичности рассматривает все этносы как равноправные.

Если индивид удовлетворен своей идентичностью (статусом, достоинством и престижем), он не стремится ее менять. Однако с появлением ряда внешних факторов, воздействующих на уровень персональной удовлетворенности, неизбежен кризис и поиск новых форм идентификации [Laitin, 1998, p. 17–18]. Таким фактором может стать распад государства. Уязвимость имперской идентичности русских проявляется в том, что государственный кризис оборачивается кризисом русского самосознания. По словам В. Рыжкова, "когда у них отнимается государство, они не способны к тому, чтобы действовать и организовать себя для защиты своих интересов" (цит. по [Lieven, 1998, p. 376])¹.

Кризис существующей идентичности, с одной стороны, открывает русскому большинству возможность вступать в систему горизонтальных межэтнических отношений с другими народами России с целью формирования гражданской нации [Паин, 2003]. А с другой – приводит к поиску иных ее форм и новой идеальной модели государственного устройства. Но в случае невозможности реализации новых представлений индивид испытывает ненависть, доходящую до отрицания идеальной модели, описываемую понятием "ресентимент"² [Greenfeld, 1992]. Распад СССР инициировал появле-

¹ Если бывшие советские республики довольно легко отказались от "старой" идентичности, то у русских она была столь тесно связана с советской идеологией и государством, что развал СССР обернулся идентификационным кризисом [Понарин, 2002, с. 425].

² От фр. *ressentiment* – мстительность. Термин, предложенный Ф. Ницше, характеризует атмосферу враждебности в обществе, сопровождаемую появлением ненависти и озлобления. Ресентимент – это и психологическое самоотравление, проявляющееся в одновременном злопамятстве, мстительности, ненависти, злобе, зависти. – *Ред.*

ние идеальной модели "Запад" и попыток соответствующей самоидентификации русских, но безуспешность реализации данной модели в течение 1990-х гг. привела сначала элиты, а затем и массы в состояние ресентимента [Дубин, 2003; Гудков, 1999]. Его возникновение обусловило действие факторов глобализации, русской диаспоры в постсоветских государствах и наследия советского федерализма.

Глобализация, связанная с культурной и социально-экономической дистанцией, затрудняет включение русских в мировую культуру. Эффект диаспоры проявляется через падение статуса русских в посткоммунистических странах: эти люди, репатриировавшись в Россию, внесли свой "вклад" в нарождающийся русский национализм. Наконец, наследие советского федерализма обусловило асимметричность его нынешнего российского варианта: перераспределение ресурсов в интересах национальных образований в ущерб великорусским регионам и как следствие появление у русских чувства экономической "виктимности" [Понарин, 2002, с. 428–429].

Кризис имперской идентичности русских и возникшее вследствие этого состояние ресентимента, согласно теории Д. Лэйтина, подтолкнули их к реанимации идентичности национальной, основой которой могла служить актуализация либо имперских чувств, либо этнокультурных начал. Для актуализации первого типа идентичности у России есть, во-первых, все необходимые ресурсы: топливно-энергетические, человеческие, экономические, военные и т.д. Во-вторых, "реимперизация" способствует слабости СНГ как института многостороннего сотрудничества при росте двусторонних соглашений (между Россией и другими странами СНГ). В-третьих, расширение НАТО и ЕС на восток и исключение из европейского сообщества ряда посткоммунистических стран, включая Россию, усиливает, выражаясь словами А. Мотыля, "восточно-западные размежевания и восточно-восточные зависимости" [Motyl, 2001, p. 99, 105].

Актуализация этнической идентичности русских связана и с развитием национального проекта, запущенного в начале 1990-х гг., которого не существовало ни в российской империи, ни в СССР. В отличие от восточноевропейских и постсоветских стран, где позитивное выражение этничности "кто мы?" сочеталось с негативным "кто они?" (по отношению к "русским оккупантам"), реконструкция идентичности русских в современных условиях объективно затруднена отсутствием значимых "чужих" [Паин, 2006]. В подобной ситуации СМИ, формирующие воображаемое сообщество современной нации, могут "назначить" на эту роль любой субъект (государство, этническую группу, конфессиональное меньшинство и пр.) [Anderson, 1996; Snyder, Ballentine, 1996]. В контексте данной логики нетрудно понять, почему на современном этапе ксенофобия становится важным фактором конституирования русской нации.

Безусловно, рассмотренные мною идентичности и политические последствия их активизации – идеал-типические конструкторы. Однако очевидно, что реализация этнонационального проекта и усиление русской идентичности с большой вероятностью могут запустить в стране дезинтеграционные процессы. И наоборот, построение империи означает усиление имперской (при авторитарном режиме) или же гражданской (при демократическом режиме) идентичности с соответствующим отказом от реализации проекта национального строительства. Словом, сегодня русский человек находится в состоянии своеобразного "идентификационного диссонанса": с одной стороны, у него существует потребность в росте национального самосознания и развитии национальной идентичности, с другой – желание продолжения неоимперской политики государства.

К слову, подобная раздвоенность присутствует и в ней самой. Несмотря на очевидную взаимную исключаемость лозунгов "Россия для русских" и "Все народы – подданные одного государя", их совмещение в нынешних российских реалиях имеет под собой инструментальные основания. Современное развитие этнических процессов в стране, связанное со стремлением значительной части русских масс к этническому доминированию, побуждает элиты к мобилизации большинства – русских в целях реализации своего неоимперского проекта [Паин, 2007].

Взаимосвязь национализма, ксенофобии и типов идентичности

Степень этнической сплоченности русских	Сильное влияние национализма на ксенофобию	Слабое влияние национализма на ксенофобию
Сильная	Этническая идентичность (этнокультурный национализм) <i>Российская империя после 1905 г., СССР 1940-х гг., Россия середины 1990-х гг.</i>	Имперская идентичность (имперский колониализм). Тип 2
Слабая	Имперская идентичность (имперский колониализм). Тип 1 <i>Россия 2000-х гг.</i>	Имперская идентичность (имперский колониализм). Тип 3 <i>Российская империя до 1905 г., СССР, Россия начала 1990-х гг.</i>

Не менее важной проблемой выступает взаимовлияние национализма (отношения русских к себе, то есть степень удовлетворенности собственной идентичностью) и ксенофобии (их отношение к "чужим" этносоциальным группам). Эти явления имеют тесную связь друг с другом: степень, в которой национализм влияет на уровень ксенофобии, позволяет говорить не только о содержании первого, но и о векторе его развития. Так, в случае роста влияния русского национализма на уровень ксенофобии можно судить о наличии предпосылок для развития этнической идентичности русских (то есть формировании собственной этнической идентичности при противопоставлении себя другим этносам), и наоборот, по мере снижения подобного влияния, уместно говорить о развитии имперской/гражданской идентичности. Без сомнения здесь мы имеем довольно сильное упрощение, поэтому дополнительно важно учитывать этническое измерение: силу этнической сплоченности, выраженную в чувстве близости индивида к "своей" группе. Схематически все это можно представить в виде таблицы 1.

Другими словами, в случае сильных этнической идентификации и влияния национализма на ксенофобию можно говорить о развитии этнической идентичности русских в виде этнокультурного национализма. Слабая этническая сплоченность при выраженном влиянии национализма на ксенофобию (и *vice versa*) указывает на развитие имперской идентичности и имперского колониализма двух видов. Для первого из них (**Тип 1**) характерна слабо организованная имперская нация с низкой степенью этнической толерантности (по-видимому, Россия 2000-х гг. может служить ярким тому примером). Для второго (**Тип 2**) – сплоченная имперская нация, толерантная по отношению к другим этническим группам (Французская или Британская колониальные империи могут отчасти быть примером подобных государств: их ядро – этнически гетерогенные метрополии, использующие ресурсы подконтрольных территорий колоний и предоставляющие им автономию для институционального развития). В случае слабых этнической идентификации и влияния национализма на ксенофобию можно говорить о формировании классической имперской идентичности (**Тип 3**) (традиционные империи – Римская, Османская, Российская). Этому типу соответствует гражданская идентичность со слабо выраженными националистическими настроениями. Как видно из таблицы 1, положение России как империи со временем менялось в зависимости от выраженности соответствующих факторов, притом что "сильное" и "слабое" их влияние друг на друга – относительные понятия.

Очевидно, что для империй развитие этнокультурного национализма скорее характерно в кризисное время. Так, в Российской империи он получил развитие «после первой русской революции 1905 года, когда царские власти инициировали проявление русских радикальных националистических организаций, таких как "Черная сотня"; за-

тем в Советском Союзе в форме организованной властями в конце 1940-х годов кампании "борьбы с космополитизмом" и, наконец, в Российской Федерации в середине 1990-х–начале 2000-х годов с многочисленными попытками перевода социального недовольства в русло этнических фобий в связи с Чеченской войной» [Паин, 2006]. Следовательно, вспышки русского этнокультурного национализма обычно носили спорадический характер и вдобавок инициировались политическими антрепренерами.

Наряду с имперским колониализмом и этнокультурным национализмом, по-видимому, существует и их гибридный вариант: симбиоз современного русского этнического национализма и имперской идеи – "имперский национализм" (термин Э. Паина), который представляет собой особую версию предыдущего, идеологически ориентированную на реставрацию хотя бы отдельных элементов имперского режима.

В подобном контексте важно уяснить, что же все-таки "двигатель" в развитии того или иного типа русской идентичности? Как мне кажется, основной фактор ее трансформации – государство. Следовательно, ослабление его мощи (оговорюсь, что под ней я подразумеваю прежде всего военную мощь) приводит к ослаблению имперской и росту этнической идентичности, и наоборот. В данной связи приобретает важность риторический вопрос о том, что выступает причиной, а что – следствием: идентичность, определяемая историческими условиями, типом государственного устройства, или наоборот, тип государственного устройства, формирующий соответствующую идентичность. На мой взгляд, ответ следует искать в рамках инструментального и конструктивистского подходов: российские элиты посредством проводимой политики и подконтрольных СМИ получают возможность формирования не только общественного мнения в краткосрочном периоде, но и в долгосрочном российскую идентичность как таковую. Иначе говоря, изменение мощи государства приводит к изменению типа русской идентичности³.

Кросс-темпоральный анализ русского национализма

С целью проверить высказанные предположения о росте национализма и векторе его развития, обратимся к эмпирическому анализу данных, построив две статистические медианные модели для 1995 и 2003 гг., то есть для ельцинского и путинского периодов президентства. Такое моделирование позволяет выстроить причинно-следственные связи между факторами национализма, ксенофобии и социальным фактором, выбор которых обоснован соображениями получения оптимальной модели, упрощающей ее интерпретацию.

Фактор национализма отражает степень удовлетворенности индивида своей идентичностью (то есть отношение русской нации к самой себе). Он конструируется на основе трех компонентов первого порядка: "культурной гордости", "политической гордости" и "идентичности". Поскольку идентичность русских тесно связана с государством, то факторы культурной и политической гордости отражают различные аспекты удовлетворенности русских государством и обществом. Культурная гордость включает следующие признаки: гордость отечественными наукой, искусством, спортом и историей; политическая гордость учитывает удовлетворенность индивида внешнеполитическим влиянием страны, уровнем демократии, экономическими достижениями и, наконец, вооруженными силами (см. приложение 1). Если факторы культурной и политической гордости задают формальные основания для оценки индивидом своей идентичности, то фактор идентичности, наоборот, отражает содержательные основания, фиксируя вкладываемое индивидом содержание в это понятие, включающее, как говорилось ранее, этнокультурный и гражданский компоненты. К маркерам этнокультурной идентичности я отношу такие признаки, как "знание русского языка" и "православное вероисповедание". К гражданской – "рождение в России", "проживание большей части жизни в России", "обладание российским гражданством", "ощущение себя россиянином" (см. приложение 1).

³ Эмпирическое подтверждение данной гипотезы см. [Zimmerman, 2002].

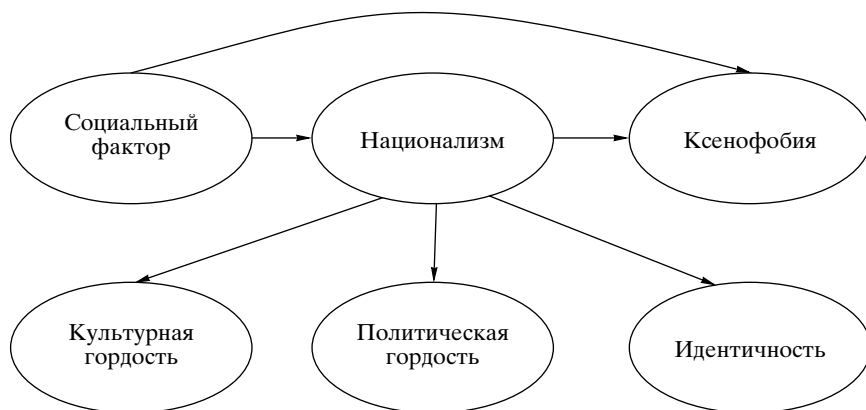

Рис. Гипотетическая модель структуры русского национализма

Фактор ксенофобии характеризует уровень данного явления, существующий в обществе, то есть степень неприязненного отношения к "другим" – иностранцам, иммигрантам, национальным и прочим меньшинствам. В модели учитывались три типа ксенофобии: экономическая (по отношению к иностранцам), социальная (по отношению к иммигрантам) и, наконец, культурная (по отношению к этническим меньшинствам). Иначе говоря, концепт ксенофобии рассматривается в комплексном виде, позволяя предельно широко очертить круг существующих опасностей, а также идентифицировать их различные объекты-носители (см. приложение 1).

Наконец, **социальный фактор** включает такие характеристики респондента, как его общественный статус, возраст, образование, место проживания, пол. Использование в анализе данного фактора связано с тем, что уровень ксенофобии зачастую социально обусловлен, то есть зависит от соответствующих социальных характеристик индивида (см. приложение 1). Взаимодействие вышеописанных факторов в рамках предложенной модели представлено на рисунке. К этому целесообразно добавить, что особое внимание, уделяемое в предлагаемой модели влиянию фактора национализма на уровень ксенофобии в стране⁴, позволяет провести эмпирическое тестирование гипотезы о направлении эволюции русского национализма, то есть большей выраженности в нем этнокультурной или имперской компоненты.

Итак, изучение данных двух кросс-национальных опросов ISSP (International Social Survey Programm), проведенных по теме "национальная идентичность" в 1995 и 2003 гг.⁵, позволило выявить следующие характеристики полученных моделей. У модели 1995 г. $\chi^2 = 1420,6$ ($Df = 246$), индекс *Goodness-of-fit* = 0,92, индекс *RMSEA* = 0,06, *BIC* = -345,93. Параметры модели 2003 г. таковы: $\chi^2 = 1852,1$ ($Df = 246$), индекс *Goodness-of-fit* = 0,93, индекс *RMSEA* = 0,055, *BIC* = -3,095. В обеих моделях доля объясненной дисперсии **социального фактора** равна 0,83 (0,80)⁶. И в 1995, и в 2003 гг. наиболь-

⁴ В этом случае данная взаимосвязь позволяет содержательно интерпретировать "национализм" как отношение русской нации к "другим" – этносам, иммигрантам, иностранцам.

⁵ В работе использовались базы данных ISSP-1995 и ISSP-2003, предоставленные Единым архивом социологических данных "Sofist" (www.sofist.socpol.ru). Опросные выборки за 1995 и 2003 гг. включили индивидов, проживавших на время проведения опросов в РФ и идентифицировавших себя с русской национальностью. Объем выборки 1995 г. составил 1314, а 2003 г. – 2129 человек. При проведении статистического анализа применялся метод моделирования структурных уравнений (*structural equation modeling, SEM*). Все необходимые расчеты были выполнены в рамках статистического пакета R (www.r-project.org).

⁶ Далее в тексте расчет дисперсии фактора рассчитывается как $\delta^2 = 1 - e$, где e – доля необъясненной дисперсии (значения e приведены в схемах рядом с факторами). В скобках указаны расчетные величины за 2003 г. В целях сравнительного анализа все коэффициенты приведены в стандартизированный вид.

шая факторная нагрузка приходится на образование 0,75 (0,54), возраст –0,53 (–0,51), социальный статус 0,41 (0,45), проживание –0,38 (–0,32) и, наконец, пол респондента –0,06 (–0,07). В целом структура социального фактора отличается темпоральной устойчивостью (см. приложение 2).

Доля объясненной дисперсии **фактора национализма** в 1995 и 2003 гг. составила 0,73 (0,73). Его влияние на факторы гордости и идентичности следующее: в сознании индивидов преобладает культурная 0,73 (0,71) и политическая гордость 0,63 (0,65), и, наконец, идентичность 0,24 (0,35). Отмечается рост влияния фактора идентичности в 2003 г. по сравнению с 1995 г. на уровень национализма в стране (на 0,11 ед.).

В 1995 и 2003 гг. доля объясненной дисперсии **фактора культурной гордости** равнялась 0,73 (0,76), а структура факторных нагрузок среди наблюдаемых переменных распределилась следующим образом: отечественное искусство 0,79 (0,71), спорт 0,78 (0,65), наука 0,76 (0,69) и история 0,56 (0,49). В целом можно констатировать ослабление связей между фактором культурной гордости и составляющими его признаками в 2003 г. по сравнению с 1995 г.

Доля объясненной дисперсии **фактора политической гордости** в 1995 и 2003 гг. составила 0,57 (0,62). В 2003 г. структура факторных нагрузок уменьшилась незначительно: "политическое влияние России в мире" получило 0,85 (0,82), "уровень развития демократии в стране" – 0,77 (0,72), "оценка отечественной экономики" – 0,75 (0,75), "гордость за вооруженные силы РФ" – 0,48 (0,47). Следовательно, воздействие фактора политической гордости на уровень развития демократии и политического влияния России в мире в 2003 г. уменьшилось.

В 1995 и 2003 гг. доля объясненной дисперсии **фактора идентичности** составила 0,52 (0,63). Факторные нагрузки распределились так: в отношении этнокультурной идентичности – "знание русского языка" – 0,71 (0,79), "православное вероисповедание" – 0,44 (0,49); в отношении гражданской идентичности – "проживание большей части жизни в России" – 0,78 (0,72), "обладание российским гражданством" – 0,73 (0,68), "рождение в РФ" – 0,72 (0,65), "ощущение себя россиянином" – 0,43 (0,53). Сравнение регрессионных коэффициентов показывает рост влияния фактора идентичности на этнокультурную компоненту (религиозную, языковую), и напротив, снижение ее влияния на гражданскую (исключая признак "ощущение себя россиянином"). Вероятно, рост "веса" данного признака объясняется усилением эмоциональной привязанности русских к своему государству (*NB!* признак "россиянин" подразумевает отношение к государству и обществу, а не к русскому этносу), служащему в данном случае значимым атрибутом идентичности. Таким образом, по сравнению с 1995 г. в 2003 г. усилилась этнокультурная идентичность и этатистские тенденции при ослаблении гражданской идентичности (см. приложение 2)⁷.

В 1995 и 2003 гг. доля объясненной дисперсии **фактора ксенофобии** составила 0,87 (0,88). Примечательно, что сравнение структур факторных нагрузок за эти годы позволяет сделать вывод о наличии незначительных расхождений в значениях регрессионных коэффициентов. Везде наибольшая факторная нагрузка приходится на:

- "отношение к иммигрантам" – "иммигранты лишают русских рабочих мест" 0,66 (0,63), "иммигранты увеличивают уровень преступности" 0,61 (0,63);
- "отношение к иностранцам" – ограничение импорта товаров 0,44 (0,42), запрещение покупок земли в РФ иностранцами 0,38 (0,38);
- "отношение к национальным меньшинствам" 0,34 (0,36).

Таким образом, в порядке убывания значимости источниками ксенофобии служат: 1) иммигранты и ассоциируемые с ними социальные проблемы; 2) иностранцы и связанные с ними экономические опасности и, наконец, 3) национальные меньшинства и

⁷ Вместе с тем рост удельного веса религиозности в факторе идентичности может свидетельствовать в пользу, говоря условно, "цивилизованного национализма", основанного на иерархии по религиозному признаку [Панарин, 1997].

проблема культурных различий. Русские, будучи толерантными к иным национальным культурам, испытывают ксенофобные настроения в отношении иммигрантов и иностранцев, выступающих в их глазах источниками социально-экономических проблем.

В целях более точного анализа важным представляется реконструкция и интерпретация структуры причинно-следственных связей между описанными факторами. Так, в 2003 г. по сравнению с 1995 г. отмечается незначительный рост во влиянии социального фактора на фактор национализма – 0,19 (0,21) и снижение его влияния в отношении фактора ксенофобии – 0,42 (0,39). Сравнительный анализ полученных коэффициентов показывает, что воздействие социальных характеристик на уровень ксенофобии в стране почти вдвое превышает подобное влияние на фактор национализма. Значит, по сравнению с ксенофобией национализм в меньшей степени обусловлен социальными характеристиками индивидов. В целом, и в 1995, и в 2003 гг. влияние социального фактора на уровень ксенофобии и национализма остается на одном уровне.

В то же время, сопоставляя данные 2003 и 1995 гг., можно констатировать относительный рост влияния фактора национализма на фактор ксенофобии – 0,29 (0,37) (см. приложение 2). Следовательно, согласно моим теоретическим построениям, вряд ли можно говорить о развитии в РФ гражданской идентичности, предполагающей наличие низкой этнической сплоченности, и слабое влияние уровня национализма на ксенофобию. А судить с равной вероятностью о росте либо этнического, либо имперского национализма в современной России – вполне уместно (см. табл. 1).

Теперь попытаемся определить степень выраженности исследуемых факторов среди основных социально-политических групп русского населения, а также выявить тип российской идентичности на современном этапе развития общества⁸. С этой целью были рассчитаны средние стандартизированные факторы в отношении исследуемых социально-политических групп, выделенных по критериям возраста, субъективного социального статуса, партийной и этнической сплоченности. Результаты расчетов приводятся в таблице 2. Отмечу, что поскольку используемые в работе переменные характеризуются обратным типом шкал Ликерта, рост средних стандартизированных факторов будет говорить об уменьшении выраженности фактора в рассматриваемой социально-политической группе, и наоборот.

Данные, представленные в таблице 2, иллюстрируют относительную равномерность в распределении факторных нагрузок у исследуемых социально-политических групп населения с отдельными отклонениями, на которых я вкратце остановлюсь далее. Наиболее важное, на что здесь стоит обратить внимание, – то, что при сравнении социальных групп 1995 и 2003 гг. влияние на них фактора национализма с некоторыми оговорками оказалось на одинаковом уровне. Иными словами, пропорциональный рост значимости национализма для различных социальных слоев не прослеживается.

Судя по результатам расчетов, и в ельцинское, и в путинское время националистические настроения были особенно выражены среди молодежи и пожилых людей. По мере взросления индивидов наблюдается усиление российской идентичности, с одной стороны, и повышение уровня ксенофобии – с другой. Примечательно, что как в 1995,

⁸ Для расчета средних стандартизированных факторов для отдельных социально-политических групп, во-первых, рассчитывались факторные нагрузки с использованием регрессионных коэффициентов *SEM* по формуле $y^{\wedge} = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n$; во-вторых, данные факторные нагрузки приводились в

стандартизированный вид по формуле $x'_i = \frac{x_i - M_x}{s_x \sqrt{n-1}}$; в-третьих, рассчитывалась средняя арифметическая

стандартизированных факторных нагрузок для каждой социальной группы: $x_i^{-i} = \frac{\sum_{i=1}^n x'_i}{n}$.

Средние стандартизированные факторы для отдельных социально-политических групп населения по годам

Факторы		Национализм		Культурный		Политический		Идентичность		Ксенофобия	
Группы		1995 г.	2003 г.	1995 г.	2003 г.	1995 г.	2003 г.	1995 г.	2003 г.	1995 г.	2003 г.
Возраст	Молодежь	-0,08	-0,13	-0,04	-0,09	-0,12	-0,13	0,15	0,19	0,28	0,31
	*	0,02	0,02	0,05	0,06	0,00	-0,01	0,19	0,09	0,18	0,10
	*	0,07	0,11	0,02	0,02	0,15	0,12	-0,07	-0,10	-0,12	-0,12
	Пожилые	-0,01	0,01	-0,03	0,02	-0,05	0,02	-0,27	-0,17	-0,37	-0,32
Субъективный социальный статус	Низкий	0,16	0,19	0,07	0,07	0,17	0,23	-0,11	-0,11	-0,29	-0,13
	*	-0,06	0,01	-0,08	0,01	0,02	0,01	-0,05	-0,18	-0,18	-0,19
	*	0,00	0,13	-0,02	0,06	0,09	0,19	-0,05	-0,01	0,03	-0,16
	*	-0,04	-0,06	0,01	-0,03	-0,10	-0,06	0,09	0,10	0,29	0,11
	*	-0,08	-0,06	-0,06	0,03	-0,22	-0,22	0,09	0,00	0,49	0,11
	Высокий	-0,74	-0,15	-0,37	-0,17	-1,48	-0,05	-0,30	0,11	0,05	0,12
Партийная идентификация	Левые	0,06	0,07	0,00	0,03	0,23	0,11	-0,08	0,01	-0,39	-0,01
	Правые	0,12	-0,17	0,06	-0,13	0,21	-0,03	0,09	0,13	0,25	-0,10
	Центр	-0,19	0,00	-0,12	0,04	-0,21	-0,01	-0,05	-0,10	0,13	0,11
	Беспартийные	0,11	0,03	-0,13	0,03	0,30	-0,01	-0,24	0,01	-0,09	0,00
Этническая сплоченность	Сильная	-0,04	0,06	-0,10	0,01	-0,02	0,09	-0,31	-0,02	-0,17	0,06
	*	-0,10	-0,06	-0,04	-0,05	-0,09	-0,04	0,01	0,03	-0,03	-0,05
	*	0,01	0,02	0,07	0,01	0,00	0,00	0,29	0,01	0,21	0,02
	Слабая	0,30	-0,11	0,13	-0,01	0,29	-0,06	0,20	-0,10	0,21	-0,01

так и в 2003 гг. рост субъективного социального статуса индивидов положительно связан с уровнем национализма и отрицательно – с уровнем идентичности и ксенофобии. Это дает основание утверждать, что по сравнению с более статусными социальными группами социально незащищенные слои населения характеризуются большей выраженностью национализма и ксенофобии (хотя уровень их национализма уступает уровню национализма элит).

Уровень национализма и ксенофобии варьируется и в зависимости от типа партийной идентификации респондентов. Так, при сравнении данных 1995 и 2003 гг. оказывается, что в первом случае наиболее националистичными были центристы (с выраженной культурной и политической гордостью), а во втором – правые (с выраженной культурной гордостью). При этом в 2003 г. у индивидов независимо от их партийной принадлежности (за исключением правых) прослеживается значительное влияние на уровень национализма фактора политической гордости. В наибольшей степени ксенофобия свойственна левым и беспартийным. Тогда как индивиды, относящие себя к центру, демонстрируют последовательную толерантность.

Еще более интересен факт выявления зависимости между силой этнической сплоченности и исследуемыми факторами (см. приложение 1). Так, если в 1995 г. русские, заявившие о своей сильной этнической связи, характеризуются наибольшей выраженностью национализма, идентичности и ксенофобии, то в 2003 г. о подобной выраженности говорить уже не приходится. Лица с сильной и слабой этнической сплоченно-

стью испытывают почти равное воздействие исследуемых факторов. По всей видимости, нынешнее ослабление этнической сплоченности по сравнению с предыдущим десятилетием может говорить о том, что с ростом государственной централизации этнические связи между русскими, с одной стороны, ослабевают, но с другой – усиливаются за счет роста связей индивидов с государством. Информация об ослаблении влияния этнической сплоченности русских с 1995 по 2003 г. позволяет, в конечном итоге, сделать вывод, что при выраженном воздействии уровня национализма на уровень ксенофобии можно судить о развитии в современной России имперской идентичности и имперского колониализма как политики (см. табл. 1). Но в рассматриваемый временной отрезок фактор национализма становится более этнически "окрашенным", а в структуре индивидуальной идентичности повышается удельный вес языка и религии.

Таким образом, основное следствие возрастания мощи государства – усиление имперской идентичности русской нации, выраженной, с одной стороны, в росте взаимосвязей между русским национализмом и ксенофобными настроениями в обществе, а с другой – ослаблением этнической сплоченности русских в связи с "привязкой" их идентичности к государству (Тип 1 в табл. 1). Наконец, нельзя не отметить рост религиозной и языковой компонент в этнической идентичности русских. Следовательно, моя гипотеза о том, что усиление военной мощи государства – необходимое условие для ослабления этнической и роста имперской идентичности, подтвердилась лишь частично. Процесс эволюции указанных типов идентичности в России характеризуется в большей степени взаимодополняемостью, а не взаимоисключаемостью. Следовательно, статистические расчеты позволяют сделать вывод о том, что современная Россия, строящая особую, "управляемую демократию", демонстрирует развитие имперского колониализма и этнокультурного национализма (на индивидуальном уровне им соответствует усиление этнической и имперской идентичностей). Результат их взаимодействия и взаимовлияния обуславливает специфику общественной ситуации в нашей стране – развитие в ней имперского национализма. Скорее всего, в ближайшей перспективе оно будет идти по восходящей траектории. Ведь на уровне массового сознания имеется поддержка имперского проекта и связанной с ним концепции авторитарной модернизации вследствие разочарования во всех остальных парадигмах – либеральной и коммунистической. На уровне же элит реализация имперского проекта – это возможность возврата однажды утраченного престижа и статуса сверхдержавы. Без сомнения, и для элит, и для масс указанный проект служит способом преодоления состояния ressentiment, возникшего после развала СССР⁹. Вероятно и то, что развитие этнокультурного национализма русских будет и далее использоваться политическими элитами как средство мобилизации населения в целях построения имперского государства (как говорилось выше, средство и цели эти по сути дела исключают одно другое). Более того, подобная форма взаимодействия между элитами и массами порождает дополнительный синергетический эффект, результат которого – самовозрастание в российском обществе имперского национализма, глубоко проникающего в политические и социальные институты. Это приводит к дополнительному раскачиванию этнополитического маятника, ибо рост этнонационализма русских сопровождается ответным ростом фрустрации национальных меньшинств, который в свою очередь подстегивает развитие русского имперского национализма и т.д. по нарастающей. Пагубные последствия подобного процесса для будущего российского государства несложно представить. Вдобавок к этому следует указать и на идеологические установки российской молодежи, которые, определяя в конечном счете будущее страны, гарантируют стабильность нынешнего политического режима. Нет ничего удивительного в том, что после "цветных" революций правящие круги, осознав важность роли молодых граждан в политике, ведут борьбу за возможность "навязать" им

⁹ В этой связи весьма показателен пассаж в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2005 г., в котором он назвал распад СССР "величайшей геополитической катастрофой XX в."

свое видение мира, идеологию [Седов, 2007; Schwirtz, 2007]. Мое исследование показало, что современная российская молодежь стала более националистичной по сравнению с иными возрастными группами, а это значит, что *сейчас* она – важный ресурс для реализации нынешнего имперского проекта, а *завтра* – способна к дальнейшему раскачиванию этнополитического маятника. В любом случае однажды сформировавшиеся на уровне массового сознания идеологические установки, как правило, с большим трудом поддаются изменениям. Значит, именно *сегодня* судьба российского государства и российской нации решается на многие годы вперед.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Используемые в работе факторы и наблюдаемые переменные

Социальный фактор

Соц1 – Субъективный социальный статус

Соц2 – Возраст

Соц3 – Образование

Соц4 – Тип населенного пункта

Соц5 – Пол

Фактор "Патриотизм" = "Национализм"

Вопрос: "В какой мере вы гордитесь следующими сторонами жизни России, ее историей?"
Ответы респондентов на высказывания: "очень горжусь", "в какой-то мере горжусь", "не очень горжусь", "совсем не горжусь", "затрудняюсь ответить".

Фактор "Культурная гордость"

Кул1 – Высказывание "Научные и технические достижения России"

Кул2 – Высказывание "Российские достижения в области литературы и искусства"

Кул3 – Высказывание "Российские достижения в спорте"

Кул4 – Высказывание "Российская история"

Фактор "Политическая гордость"

Кон1 – Высказывание "Политическое влияние России в мире"

Кон2 – Высказывание "Положение дел с демократией"

Кон3 – Высказывание "Экономические достижения России"

Кон4 – Высказывание "Российские вооруженные силы"

Фактор "Идентичность"

Вопрос: "Как вы думаете, насколько важно каждое из следующих обстоятельств, для того, чтобы считаться истинным россиянином?" Ответы респондентов на высказывания: "очень важно", "в какой-то мере важно", "не очень важно", "совсем не важно", "не знаю".

Ид1 – Высказывание "Родиться в России?"

Ид2 – Высказывание "Иметь российское гражданство?"

Ид3 – Высказывание "Прожить в России большую часть своей жизни?"

Ид4 – Высказывание "Говорить по-русски?"

Ид5 – Высказывание "Быть православным?"

Ид6 – Высказывание "Чувствовать себя россиянином?"

Фактор "Ксенофобия"

Ответы респондентов на высказывания: "совершенно согласен", "скорее не согласен", "ни согласен, ни не согласен", "скорее не согласен", "совершенно не согласен", "затрудняюсь ответить".

Ксе1 – Высказывание "Россия должна ограничить ввоз в страну зарубежных товаров, чтобы защитить своих производителей"

Ксе2 – Высказывание "Иностранцам нельзя позволить покупать землю в России"

Ксе3 – Высказывание "Иммигранты, люди, приезжающие из-за пределов России, увеличивают уровень преступности"

Ксе4 – Высказывание "Иммигранты отбирают рабочие места у россиян"

Ксе5 – Высказывание "Те люди, которые не разделяют русских обычаев и традиций, не могут стать настоящими россиянами"

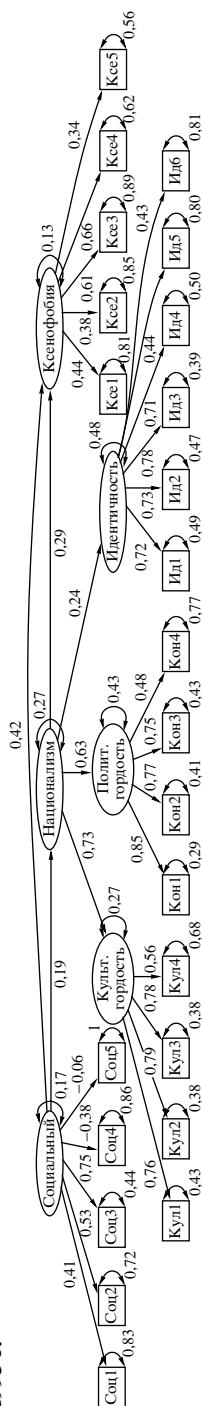
Этническая сплоченность

Вопрос: "Скажите, пожалуйста, в какой мере вы чувствуете себя связанным с людьми вашей национальности?" Ответы респондентов на высказывания: "очень сильно связан", "довольно сильно связан", "не очень сильно связан", "совершенно не связан", "не знаю".

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

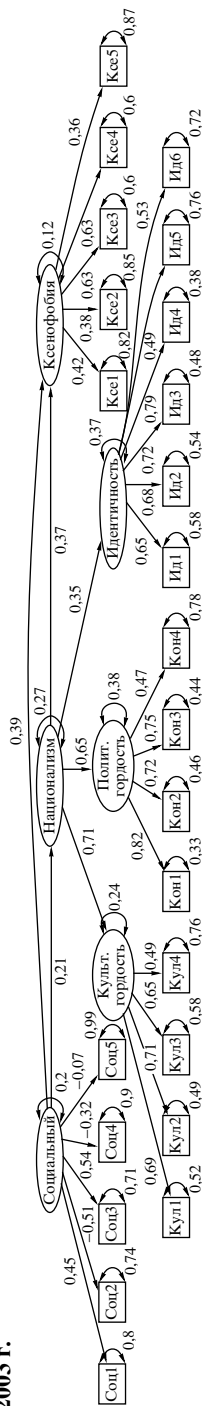
Схема КФА-модели за 1995 и 2003 гг. (в схеме приведены стандартизованные коэффициенты регрессии и величины дисперсии)

1995 г.

Model Chisquare = 1420.6, $Df = 246$, *Chisquare (null model)* = 8846.8, $Df = 276$,
Goodness-of-fit index = 0.91804, *RMSEA index* = 0.060303, *BIC* = -345.93

2003 г.

Model Chisquare = 1852.1, $Df = 246$, *Chisquare (null model)* = 11844, $Df = 276$,
Goodness-of-fit index = 0.93246, *RMSEA index* = 0.05539, *BIC* = -33.095

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1(3).
- Гудков Л. Комплекс “жертвы”: особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 3.
- Национализм и ксенофобия. Левада-Центр. Пресс-выпуск. 2007. 29 августа (www.levada.ru).
- Паин Э. Имперский национализм в России // Russian Analytical Digest. 2007. № 14. 6 February.
- Паин Э. Империя в себе. О механизмах возвратных процессов в современной российской политике // Ab Imperio. 2006. № 1.
- Паин Э. Активизация этнического большинства в постсоветской России: ресурсы русского национализма // Ab Imperio. 2003. № 3.
- Понарин А. Парадоксы европеизма в современной России // Россия и мусульманский мир. 1997. № 3.
- Понарин Э. Новый русский национализм как реакция на глобализацию: источники, механизмы распространения и сценарии развития // Ab Imperio. 2002. № 1.
- Седов Л. Возрастное и поколенческое размежевание. Попытка прогноза // Левада-Центр. Пресс-выпуск. 2007. 20 июля (www.levada.ru).
- Anderson B. Imagined Communities // Hutchinson J., Smith A. Nationalism. Oxford–New York, 1996.
- Armstrong J. The Ethnic Scene in the Soviet Union: The View of the Dictatorship // The Soviet Nationality Reader: The Disintegration in Context. Boulder, 1992.
- Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in New Europe. Cambridge (Mass.), 1997.
- Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.), 1992.
- Laitin D. Identity in Formation. The Russian Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca–New York, 1998.
- Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven, 1998.
- Motyl A. Imperial Ends: the Decay, Collapse and Revival of Empires. New York, 2001.
- Schwartz M. Russia’s Political Youths // Demokratizatsiya. 2007. Winter.
- Snyder J., Ballentine K. Nationalism and the Marketplace of Ideas // International Security. 1996. Vol. 21. № 2.
- Szporluk R. Dilemmas of Russian Nationalism // The Soviet Nationality Reader: The Disintegration in Context. Boulder, 1992.
- Vujacic V. Historical Legacies, Nationalist Mobilization, and Political Outcomes in Russia and Serbia: A Weberian View // Theory and Society. 1996. Vol. 25. № 6.
- Zimmerman W. The Russian People and Foreign Policy: Elite and Mass Perspectives, 1993–2000. Princeton, 2002.